Человеческая метрика проста:
Это рыба без чешуек и хвоста.
Вот таким он уродился на болоте.
Посмотри, как быстро ручками колотит!
Как полжизни он барахтается в тине—
Тот жирнее, тот немножечко спортивней.
Тот плывёт совсем уверенно! Потом
Всё равно всплывает кверху животом.

Волна, свинцовая, ночная,
Покоя ни на миг не знает.
На пристань дышит тяжело.
Ей сунешь под ребро весло—
Завязнет пёрышко стальное.
И остальное.
Дорожки тянут фонари.
Фигура чёрная, замри!
На острие тоски и фальши,
Не важно, чем ты станешь дальше.

Леер

Человек живёт как умеет.
Рыба плывёт где хочет.
Обернусь я бумажным змеем,
Полечу голубиной почтой.
На хвосте моём ленты алы,
И бамбуковый крест на пузе.
Я бы выше ещё взлетала,
Только леер меня не пустит.

Не ловится рыба.
И даже шевелится слабо.
Ловил бы кто-либо,
Да только не папа, не папа!
А он не внимает:
Взлетает податливый спиннинг.
И Лета немая.
И цвет удивительно синий.

И билась она, выгибаясь натужно,
И гасла, и цвет потеряла жемчужный.
А все причитали: скорей.
А все трепетали: форель!
И, даже кровя развороченным брюхом,
Она улыбалась от уха до уха,
Поскольку Господь не отверг
И на небе—рыбный четверг.

Шёлк облаков прожжён насквозь—
Солнечная дыра.
Ах, поматрось меня да брось.
Или уже вчера?
Лезет материя вкривь и вкось:
Вечный за ней покой.
Вместе не лучше, чем поврозь.
Разницы никакой.

Она в темноте находит его ладонь,
Переплетает пальцы:
Будто идёт за водой
И улыбается.
Он придвигается плотней,
Спокойно и ровно дышит.
Всё видит в глубоком сне
Одну из бывших.

Ценный воздух уворовав,
Ходят рыбы на головах.
Не плывут, а идут пешком,
Машут огненным гребешком.
Я ведь тоже—одна их них,
Перепутавших верх и низ.
В самой толще речной воды.
Не берут меня неводы.